

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ДОПОТОПНАЯ ИЛИ
ДОПОЖАРНАЯ
МОСКВА

Петр Вяземский

**Допотопная или
допожарная Москва**

«Public Domain»

1866

Вяземский П. А.

Допотопная или допожарная Москва / П. А. Вяземский — «Public Domain», 1866

«Случайно напал я (говорю случайно, потому что очень трудно, если и несовершенно невозможно, следить вне России за общею Русскою журнальною деятельностью), случайно напал я на статью в журнале, в которой, между прочим, сказано, что «Москва 805 года была совершенною провинциею в сравнении с Петербургом; что она, полная богатым барством, жила на распашку, хлебосольничала и сплетничала; политические интересы занимали ее мало...»

Петр Вяземский

Допотопная или допожарная Москва

Случайно попал я (говорю случайно, потому что очень трудно, если и несовершенно невозможно, следить вне России за общею Русскою журнальною деятельностью), случайно попал я на статью в журнале, в которой, между прочим, сказано, что «Москва 805 года была совершенною провинциею в сравнении с Петербургом; что она, полная богатым барством, жила на распашку, хлебосольничала и сплетничала; политические интересы занимали ее мало. В то время, когда в Петербурге только и толков было, что о предстоящей войне с Наполеоном, Москва гораздо более замыкалась тяжкою болезнию одного богатого барина и вопросом, кому он оставит громадное свое состояние». (Заметим мимоходом, что тогда в Москве не могли толковать о *громадном* состоянии, потому что на Карамзинском языке, тогда господствовавшем в Москве, слово «громадное» не применялось, как ныне, ко всем понятиям и выражениям).

Как старый и допотопный Москвич почитаю обязанностию своею прямо и добросовестно подать голос свой против такого легкомысленного и несправедливого мнения о Москве. Новое поколение знает старую Москву по комедии Грибоедова; в ней почерпает оно все свои сведения и заключения. Грибоедов – их преподобный Нестор, и по его рассказу воссоздают они мало знакомую им старину. Но по несчастью драматический Нестор в своей Московской летописи часто *мудрствовал лукаво*. В некоторых захолустьях Москвы, может быть, и господствовали нравы, исключительно выставленные им на сцене. Но при этой темной Москве была и другая еще светлая Москва. Что сказано о ней 1805 года журналистом, коего слова приведены выше, может быть сказано не только о Москве такого то года, но о всяком большом городе и во всякое время, как о Париже, так и о Лондоне, Нью-Йорке, и пр. и пр. *Тяжкая болезнь богатого барства и вопрос, кому достанется громадное его состояние*, могут служить и без сомнения служат, в числе других предметов, темою общежитийских разговоров, и не выпускаются из вида светскою хроникою. Не одни же общечеловеческие задачи и государственные вопросы занимают внимание общества. Впрочем везде и во всех столицах, городах и во всяких других сборищах встречаются пошлые и смешные люди. Без этого баласта нигде не обойдешься. Без сомнения, и в изящной, пластической древней Греции, в сей стране образцовой красоты, бывали и горбатые, кривобокие и колченогие. Но не их избирали Фидиасы, Практители для воссоздания своих произведений. Впрочем, когда охота есть, почему не изображать и горбатых и колченогих, благо, что и они существуют в природе: а *все человеческое – не чуждо человеку*, как сказал Римский поэт. Но не выставляйте этих несчастных выродков прототипами общего народонаселения. Не подражайте тому путешественнику, который, проезжая чрез какой то город и подсмотрев, что рыжая баба бьет ребенка, тут же внес в свой дорожный дневник: Здесь вообще женщины рыжия и злые.

Что Москва не была исключительно тем, чем ее некоторые нравоописатели представляют, можно сослаться на слова другого Москвича, еще старейшего меня, которого свидетельство принадлежит истории. Вот что Карамзин говорил о Москве в статье своей «*О публичном преподавании наук в Московском университете*». Знаю, что в наше время мало читают Карамзина, а потому считаю нелишним привести здесь собственные слова его. Говоря о лекциях, Автор замечает: «Любитель просвещения с душевным удовольствием увидит там (т.-е. на лекциях) знатных Московских дам, благородных молодых людей, духовных, купцов, студентов Заиконоспасской академии и людей всякого звания». Эта статья появилась в 803 году, следовательно не задолго до 805 года, так жестоко заклеянного журналистом. Следовательно, публичные лекции, о которых толкуют ныне, привлекали уже за 60 лет тому назад любознательное внимание Московской публики; они были оценены Карамзиным гораздо ранее, чем была вообще признана польза популярного преподавания науки. «Знания, – говорил он – быв-

шие уделом особенного класса людей, собственно называемого *ученым*, ныне более и более распространяются, вышедши из тесных пределов, в которых они долго заключались; к числу сих способов (т.-е. способов действовать на ум народа) принадлежат и публичные лекции Московского университета. Цель их есть та, чтобы самим тем людям, которые не думают и не могут исключительно посвятить себя ученому состоянию, сообщать сведения и понятия о науках любопытнейших нововводителей». Польза общенародной науки была признана и приведена в действие в Москве еще в начале текущего столетия. Эти понятия, воззрения и суждения могли бы написаны быть вчера. В них не отзывается отсталость устаревшей мысли. Мысль эта свежа и ныне, но выражена языком, который по несчастию устарел, т.-е. сделался преданием давно минувших лет. Тогда чистота, правильность и звучность Русского языка была на высшей степени своего развития.

Есть еще другое свидетельство, и более важное, об умственном, гражданском и политическом состоянии старой Москвы. Вот что говорил Карамзин в путеводительной записке своей, составленной для Императрицы, пред отъездом её Величества в Москву: «Со времен Екатерины Москва прослыла *Республикою*. Там без сомнения более свободы, но не в мыслях, а в жизни; более разговоров, толков о делах общественных, нежели здесь в Петербурге, где умы развлекаются Двором, обязанностями службы, исканием, личностями».

Из приведенных слов явствует, что вопреки Грибоедову и последователям, слепо доверившим на слово сатирическим выходкам его, оценка Петербурга и Москвы должна быть признана именно в обратном смысле, т.-е. что в Москве было более разговоров и толков о делах общественных, нежели в Петербурге, где умы и побуждения развлекаются и поглощаются двором, обязанностями службы, исканием и личностями. Оно так и быть должно: в Петербурге – сцена, в Москве зрители; в нем действуют, в ней судят. И кто же находится в числе зрителей? Многие люди, коих имена более или менее принадлежат административной и государственной истории России. Пожалуй, некоторые из них оказываются зрителями и судьями пристрастными, недовольными тем, что есть, потому что настоящее уже не им принадлежит и что они должны были уступить место новым действующим лицам. Бывшие актеры сделались ныне зрителями актеров новых, но за то в этом оппозиционном партере, как и во всякой оппозиции, были живость прения и даже страсти, но ни в каком случае не могло быть застоя. И кто же заседал в этом партере или, по крайней мере, занимал в нем первые ряды – Графы Орловы, Остерманы, князя Голицыны, Долгорукие и многие другие второстепенные знаменитости, которые в свое время были действующими лицами на государственной сцене. Все эти лица были живая летопись прежних царствований. Они сами участвовали в делах и более или менее знали закулисные тайны придворной и государственной сцены. Позднее к этим обломкам славного царствования Екатерины изменчивая судьба закидывала жертвы новейших крушений и загоняла в пристань и затишье тихих пловцов, жаждущих отдыха и спокойствия. В то время не одни опальные или недовольные покидали службу; были люди, которые, достигнув некоторого чина и некоторых лет, оставляли добровольно служебное поприще, жили для семейства, для управления хозяйством своим, для тихих и просвещенных радостей образованного общества. К прежним именам прибавим имена княгини Дашковой и графа Ростопчина, который, удаленный от дел в продолжение царствования Павла I, жил в Москве на покое до назначения своего начальником Москвы пред бурю 1812 г. Одна княгиня Дашкова, своею историческою знаменитостию, своенравными обычаями, могла придать особенный характер тогдашним Московским салонам. Это соединение людей, более или менее исторических, имело влияние не только на Москву, но действовало и на Замосковные губернии. Москва подавала лозунг России. Из Петербурга истекали меры правительственные; но способ понимать, оценивать их, судить о них, но нравственная их сила имели средоточием Москву. Фамусов говорить у Грибоедова: «Что за тузы в Москве живут и умирают!» и партер встречает смехом и рукоплесканиями этот стих, в самом деле забавный. Но если разобрать хладнокровнее, то что за беда, что в колоде

общества встречаются тузы! Ужели было бы лучше, если б колода составлена была из одних двоек? Многие из этих бар жили хлебосольно и открытыми домами, доступными москвичам, иногородным дворянам, приезжавшим на зиму в Москву, деревенским помещикам и молодым офицерам, празднующим в Москве время своего отпуска. Дворянский клуб или Московское благородное собрание было сборным местом Русского дворянства. Пространная и великолепная зала в красивом здании, которая в то время служила одним из украшений Москвы и не имела, себе подобной в России, созывала на балы по вторникам многолюдное собрание, тысяч до 3, до 5 и более. Это был настоящий съезд России, начиная от вельможи до мелкопоместного дворянина из какого-нибудь уезда Уфимской губернии, от статс-дамы до скромной уездной невесты, которую родители привозили в это собрание с тем, чтобы на людей посмотреть, а особенно себя показать и, вследствие того, выйти замуж. Эти вторники служили для многих исходными днями браков, семейного счастья и блестящих судеб. Мы все, молодые люди тогдашнего поколения, торжествовали в этом доме вступление свое в возраст светлого совершеннолетия. Тут учились мы любезничать с дамами, влюбляться, пользоваться правами и, вместе с тем, покоряться обязанностям общежития. Тут учились мы и чинопочитанию и почитанию старости. Для многих из нас эти вторники долго теплились светлыми днями в летописях сердечной памяти. Надобно признаться, хотя это признание состоит ныне исповедью в тяжком грехе, мы, старые и молодые, были тогда светскими людьми и не только не стыдились быть ими, но придавали этому званию смысл умственной образованности и вежливости, а потому и дорожили честью принадлежать к высшему обществу и наслаждаться его удобствами и принадлежностями. Некоторые из Московских бар имели картинные галереи, собрания художественных и научных предметов, напр., граф Алексей Кириллович Разумовский, кроме роскошного дома и при нем обширного и со вкусом расположенного сада в самом городе, имел под Москвою в Горенках разнообразный и отличный ботанический сад, рассадник редких растений из отдаленных краев всего мира. Граф Бутурлин имел обширную, с любовью и званием дела собранную библиотеку, одну из полнейших у частных лиц библиотек, известных в Европе. Иные вельможи, на собственном своем иждивении, устраивали для меньших братьев больницы и странноприимные дома, а другие – почему и в этом не признаться – содержали хоры крепостных певчих, крепостные оркестры и крепостных актеров. Если по существующим тогда узаконениям помещики могли иметь для фабрик и заводов своих крепостных фабрикантов и мастеровых, то почему же оскорбительнее было для человечества образовывать художников из подведомственных им людей. Эти явления приводят ныне в ретроспективный ужас жеманную филантропию и пошлый либерализм, но тогда эти *полубарские затеи*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.